

УДК 327
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-2-97-105

УЧАСТИЕ «МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ» В ПРИНЯТИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: ОПЫТ ФРАНЦИИ

THE ROLE OF “THINK TANKS” IN FOREIGN POLICY DECISION-MAKING: FRENCH EXPERIENCE

А. Ю. Чихачев,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург
alexchikhachev@gmail.com

A. Chikhachev,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg

Чагры Адил,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург
cagriadil@gmail.com

A. Chagry,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg

На примере Франции исследованы истоки феномена «мозговых центров» и их участие в определении дипломатического курса государства. С использованием институционального подхода установлено, что во Франции профессиональный внешнеполитический анализ длительное время не был так популярен, как среди его родоначальниц – англосаксонских стран.

Отмечено, что в США и Великобритании открытию мозговых центров способствовали политические системы этих государств, сложившаяся культура принятия решений на основе ведомственных компромиссов, а также фактор Первой мировой войны, впервые выведшей Америку на авансцену мировой политики. Одновременно зафиксировано, что во Франции, напротив, ряд обстоятельств поначалу ограничивал спрос на экспертные мнения по внешней политике – бюрократизация власти, традиция отведения дипломатии в сферу «королевских прерогатив», самоуспокоенность высшего руководства в межвоенный период. Выявлено, что впоследствии глобализация, расширение контактов с американскими элитами и заинтересованность президента В. Жискар-д'Эстена в рационализации решений все же привели к тому, чтобы в Париже появился свой влиятельный аналитический центр, способный представлять внешнеполитическую мысль страны в мировом масштабе. Занимающий эту нишу с 1979 г. Французский институт международных отношений (IFRI) изучен авторами в качестве образца построения работы экспертов по международным отношениям во Франции.

Описаны основные источники финансирования института, направления актуальных исследований, его организационная структура и виды деятельности. Подчеркнута роль IFRI как площадки для экспертного и политического диалога между представителями разных стран, что позволяет ему проводить собственную «дипломатию влияния». Приведены наиболее актуальные примеры вовлечения института в предвыборные внешнеполитические дискуссии и международные мероприятия французского руководства. Сделан вывод о том, что IFRI сохраняет ведущие позиции во Франции и способен на равных конкурировать с американскими и британскими центрами, хотя и не имеет сопоставимых финансовых возможностей.

Ключевые слова: «мозговые центры»; внешняя политика; дипломатия; демократия; разделение властей; процесс принятия решений; экспертное сообщество; Франция; Пятая Республика; IFRI

This article explores the phenomenon of “think tanks” and their role in the formulating of diplomatic course taking France as an example. By the use of institutional approach, the authors has shown that in French case professional foreign policy analysis originally was not as popular as in the United States and Great Britain.

It is noted that the rise of Anglo-Saxon “think tanks” was encouraged by pluralistic political system; a specific decision-making culture based on negotiations and advocacy; the ending of the First World War when Wilsonian

America tried to play a global role. On the contrary, in France such circumstances as bureaucratization of power, "royal prerogatives" tradition and apathy of interwar establishment dramatically decreased the interest in independent expertise. It is stressed that other factors (globalization, new contacts with American elites, but also the president V. Giscard-d'Estaing's willingness to rationalize decision-making process) eventually lead to the creation of a modern analytical center capable of representing French thinking in the world. The authors consider this center, known as the French Institute of International Relations (IFRI, established in 1979), to be a sample of how foreign policy expert work is organized today in France.

The article outlines IFRI operation features: sources of finance, research topics, administrative bodies, public activities. Its mission to operate as an international forum for experts, businessmen and politicians to conduct so-called "influence diplomacy" is especially emphasized. The pieces of IFRI impact are cited, such as paper contributions to pre-election debate on foreign policy issues and involvement in international initiatives of the French government. The authors conclude that IFRI still maintains a leading position in France and is able to compete on equal terms with American and British centers although it does not have comparable financial capabilities

Key words: "think tanks"; foreign policy; diplomacy; democracy; separation of powers; decision-making; expert community; France; Fifth Republic; IFRI

Введение. В настоящее время все более заметными участниками международной жизни становятся так называемые «мозговые центры» (*think tanks*) – специализированные экспертно-аналитические учреждения, профессионально изучающие те или иные аспекты государственного взаимодействия, глобальные тенденции и проблемы. По подсчетам исследователей из Пенсильванского университета, в 2019 г. в мире насчитывалось не менее 8248 таких организаций [13]. Каждая из них в большей или меньшей степени осуществляет публикационную активность, обеспечивает СМИ экспертными комментариями по новостным событиям, проводит конференции и круглые столы, реализует грантовые проекты и т. д.

Однако главной целью существования большинства мозговых центров в сфере международных отношений является их стремление влиять на процесс принятия внешнеполитических решений. Под этим понимается поддержание контактов с первыми лицами и ответственными ведомствами своих стран, предоставление им аналитических материалов и рекомендаций, которые могут использоваться при выработке государственного курса.

В современном виде такая практика впервые появилась в первой трети XX столетия в Великобритании и США, чьи старейшие центры – «Четэм хаус», Институт Брукингса, Совет по международным отношениям и ряд других – по-прежнему пользуются значительным авторитетом среди дипломатов и экспертов-международников. Факты деятель-

ности этих организаций часто приводятся в качестве типичных примеров экспертного участия во внешней политике, в связи с чем получили высокую степень изученности в научной литературе [2; 6; 14].

В отношении континентальной Европы следует отметить, что, несмотря на широкую известность ряда центров (Европейского совета по международным отношениям, центра «Брейгель» и др.), попытки проследить их влияние на реальную политику предпринимаются гораздо реже. В отечественной литературе в качестве отдельного объекта исследования зачастую рассматривается научное сообщество только одной европейской страны – Германии, в том числе для сравнения с США и их мозговыми центрами [5].

В то же время среди других стран Евросоюза не достаточно изученным остается пример Франции, невзирая на наличие преимущества в виде высокой степени актуальности. Во-первых, сегодня Париж выступает либо партнером, либо конкурентом России по ряду международных сюжетов (ситуации в Сирии и на Украине, переговорам вокруг иранской ядерной сделки, вопросам кибербезопасности и т. д.) ввиду чего существует необходимость понимания механизмов, с помощью которых французское руководство принимает решения.

Во-вторых, за последние несколько лет представитель Пятой республики закрепился в статусе одного из лучших мозговых центров, входя в первую тройку во всем мире, согласно рейтингу "Global go to think tank index report" [13]. Данного результата добился

Французский институт международных отношений (*Institut Français des relations internationales, IFRI*), отметивший в 2019 г. сорокалетие существования.

В-третьих, как государство Франция отличается от всех своих соседей устройством политической системы. Смешанная Республика с сильным президентским компонентом, установленная по конституции 1958 г., задает иные возможности и ограничения для внешнеполитического консультирования по сравнению с республикой парламентского типа или конституционной монархией. Изучение этой специфики было бы полезно для будущего осмыслиения опыта развития мозговых центров в России, чей государственный строй в отдельных компонентах весьма схож с французским.

Объектом исследования в рамках настоящей статьи являются «мозговые центры» как акторы современных международных отношений, предметом – их участие в принятии дипломатических решений в современной Франции.

Цель исследования подразумевает выявление специфики работы французских мозговых центров и достигается посредством решения задач: выявить предпосылки и причины, изначально блокировавшие, а затем стимулировавшие развитие в Пятой Республике практики привлечения экспертов к внешнеполитической активности государства; изучить опыт IFRI как ведущей экспертно-аналитической организации Франции.

Методы исследования. Достижение поставленных цели и задач потребовало применения:

а) общенаучных методов – сравнительного анализа и аналогии, необходимых для поиска общих и особенных черт французской политической ситуации по отношению к американской и британской;

б) специальных методов политических наук:

– институционального метода, давшего возможность рассмотреть исследовательские центры как устойчивые учреждения, действующие в определенной политической и интеллектуальной среде;

– структурно-функционального метода, способствующего изучению мозговых центров как элементов системы принятия внешнеполитических решений со своей конкретной функцией (аналитическое сопровождение проводимого курса);

– метода «кейс-стади», позволившего исследовать устройство и опыт работы отдельной «фабрики мысли» – IFRI, чей пример видится наиболее значимым для понимания того, как организуется работа экспертного сообщества Франции в сфере международных отношений.

Результаты исследования и их обсуждение. Мозговые центры: особенности генезиса. Исторически первые аналитические организации в сфере дипломатии появились в ангlosаксонских странах: 1910 г. – Фонд Карнеги за международный мир; 1916 г. – Институт Брукингса; 1919 г. – Гуверовский институт войны, революции и мира; 1920 г. – «Четэм хаус»; 1921 г. – Совет по международным отношениям [7]. Этот факт объяснялся комплексом причин, сложившихся под влиянием политической культуры США и Великобритании и актуальных для того времени международных реалий.

Во-первых, сказался плюралистический характер политических систем названных государств. Проведение в жизнь принципов парламентаризма и разделения властей привело, с одной стороны, к постепенному расширению числа органов, влияющих на выработку государственного курса; с другой – к превращению внутри- и внешнеполитических решений в компромиссы между разнообразными ведомствами. Это особенно заметно на примере США, где корпоративными приоритетами могут обладать сенат, палата представителей, государственный департамент, министерство обороны, конкурирующие друг с другом спецслужбы и т. д. [6]. Для мозговых центров описанные обстоятельства являлись и продолжают оставаться «питательной средой», поскольку каждый игрок нуждается в аналитическом обеспечении своей позиции.

Во-вторых, появлению экспертных организаций способствовала развитая в Великобритании и США практика «продвижения интересов» (*advocacy*). Соперничая не только за собственно политическое влияние, но и за средства государственного бюджета, различные части политической элиты всегда пытаются представить свою сферу ответственности наиболее значимой для страны, распространить собственные идеи на самый верх управляемой цепочки.

Самым простым средством подтверждения своей правоты естественным образом стало использование экспертизы, выпол-

няемой по конкретному заказу. В этой связи немногие американские или британские центры (особенно связанные с военными или деловыми кругами) избежали подозрений в финансово-политической ангажированности – подведении своих исследований под заранее определенный результат, направленный на преднамеренную «рекламу» интересов заказчика. Согласно определению бывшего руководителя Института Брукингса С. Тэлботта, мозговые центры – это «научно-исследовательские организации..., оценивающие правомерность и полезность идей, составляющих основу политики...» [4]. Как именно проводится оценка и как она дальше презентуется зависит от разнообразия факторов, не всегда имеющих сугубо академическую природу.

Тесная связь аналитических центров с миром политики проявилась и в том, что с первых лет своего существования они стали выполнять функцию работодателей для лиц, полностью или временно отошедших от власти либо, наоборот, только готовящихся к попаданию в нее. Подобная ротация отложена в США: среди американских политических деятелей и дипломатов XX в. весьма высока доля тех, кто на том или ином этапе своей карьеры занимался международной тематикой в мозговых центрах или университетах. Среди наиболее известных примеров – деятельность Д. Ачесона, Дж. Кеннана, Дж. Даллеса, Г. Киссинджера и др. [7]. Широкая сеть формальных и неформальных контактов, хорошая осведомленность о настроениях правящих элит в сфере международных отношений превратили «фабрики мысли» в кадровые резервы для высших государственных институтов, аппаратов отдельных конгрессменов, предвыборных штабов [6].

В-третьих, зарождение профессиональной внешнеполитической экспертизы шло на подходящем для этого международном фоне. Первая мировая война, обернувшаяся колоссальным напряжением всех сил воевавших государств, привела к тому, что главной заботой держав-победительниц стало недопущение в будущем повтора ошибок 1914 г.

Впервые в истории государства пытались построить такую систему международных отношений, которая базировалась бы на принципе коллективной безопасности, универсальных моральных ценностях, решении споров с помощью гласных договоренностей

в рамках международной организации – Лиги Наций. После нескольких столетий политики баланса сил и интересов это означало принципиально новое качество международных отношений, предложенное американским президентом В. Вильсоном в «14 пунктах» послевоенного мироустройства. Помощь в осознании перемен были призваны оказать эксперты, чьи услуги оказались востребованными в 1919–1920 гг. на Парижской мирной конференции [2].

Америка же, вступившая в войну на заключительном этапе, впервые заявила о себе как о глобальном игроке. В этой связи ее руководство испытывало повышенную потребность в разнообразных справочных и аналитических материалах. Впоследствии американская сторона отдалась от Версальского порядка, который закончил свое существование Второй мировой войной, однако тенденция на аналитическое сопровождение дипломатического курса оказалась устойчивой, и новые волны открытия мозговых центров совпадали с каждым витком эволюции внешней политики Вашингтона. Так, Корпорация РЭНД (*RAND*) создана в 1948 г., сразу после начала bipolarной конфронтации; Центр стратегических и международных исследований (*CSIS*) – в 1962 г., на пике американо-советского противостояния; Институт прогрессивной политики (*PPI*) – в 1989 г., на фоне завершения «холодной войны», и т. д. [7].

Между тем, для Франции названные причины являлись актуальными в меньшей степени, поскольку уравновешивались рядом ограничивающих факторов. Главное отличие от американской и британской ситуаций заключалось в том, что во Франции раньше сложилась традиция централизованного бюрократического государства, устроенного по принципу вертикали власти. Профессиональное чиновничество, формировавшееся как отдельная социальная группа на протяжении нескольких столетий, сосредоточило все управлеческие рычаги в своих руках, создав жесткий административный порядок принятия решений по принципу «сверху вниз». Попадание в высшие эшелоны являлось практически невозможным без окончания престижных учебных заведений – «больших школ» – и, впоследствии, Национальной школы администрации (*ENA*, 1945 г.), придавшей госслужбе элитарный характер. Потенциал влияния экспертов снижался в связи с замы-

канием государственного аппарата на самом себе и, как следствие, сужением каналов обратной связи.

Значение имела еще одна французская особенность – отнесение внешней политики и обороны к так называемым «королевским прерогативам», где решающим в любом вопросе остается мнение первого лица государства (короля, императора или президента). Такой подход ставил советников в подчиненное положение, поскольку лидер всегда был вправе отказаться от предложенных рекомендаций в пользу собственных убеждений или амбиций. Когда политическая система Франции переходила в полярное положение и глава государства являлся преимущественно представительской фигурой (как в годы Третьей и Четвертой республик), эксперты тем не менее не имели широкого пространства для маневра: весьма часто меняющиеся кабинеты министров и парламентские коалиции были мало заинтересованы в той или иной степени изученных материалах и долгосрочных прогнозах.

Во Франции фактор Первой мировой войны имел иное значение. Французское общество, приняв на себя основные тяготы боевых действий на Западном фронте, более прочих было убеждено, будто состоялась последняя война в истории человечества, и отныне международные отношения будут развиваться мирным путем на базе международного права. Сложилось широко распространенное настроение, что классическая дипломатия и военное дело станут не столь необходимы, как прежде, следовательно, изучать их не актуально.

Политики и генералитет настаивали, что если вновь возникнет угроза безопасности Франции, страна в любом случае сможет защититься благодаря укреплениям «линии Мажино» на восточной границе, в связи с чем должно быть достаточно сугубо оборонительной стратегии. Когда же звучали призывы проводить более энергичную линию, – например, от будущего президента, на тот момент молодого офицера и военного теоретика Ш. де Голля, – правительство систематически игнорировало содержащие их записки и доклады [1]. На фоне поражения 1940 г., неудачных войн в Индокитае (1946–1954) и Алжире (1954–1962) эта самоуспокоенность элит переросла в апатичность, наименее способствовавшую открытию «фабрик мысли».

В результате профессиональная внешнеполитическая экспертиза во французском случае появилась позже и в меньших объемах, чем в Великобритании, США. До конца 1970-х гг. во Франции действовали лишь небольшие организации и научные группы, среди которых можно выделить Центр исследований внешней политики (*CEPE*, 1935 г.). Однако со временем ситуация начала меняться.

IFRI: создание, структура, примеры влияния. Становление во Франции политической системы Пятой республики поначалу не обещало для мозговых центров ярких перспектив. После правительственные ротации 1940–1950-х гг. в стране по конституции 1958 г. произошла консолидация власти в руках президента, получившего более широкие полномочия по сравнению с парламентом и правительством. Концепция власти генерала Ш. де Голля, ставшего главой государства в 1959–1969 гг., подразумевала, что первое лицо играет роль общенационального лидера, назначенного на свой пост народом и историей, а потому обязанного править твердо, без чьей-либо помощи и советов [1]. Попасть в высшие слои правящих элит стало возможным благодаря не только экспертно-аналитическим способностям, сколько личной преданности по временам Второй мировой войны, «Сражавшейся Франции» и Освобождения.

Однако при первых преемниках Ш. де Голля модель власти начала смягчаться, руководство начало осознавать, что внешняя политика нуждается в более систематическом экспертном сопровождении. Переломным событием послужил «нефтяной шок» (1973), когда решение арабских государств Ближнего Востока приостановить экспорт нефти спровоцировало экономический кризис на Западе. Для Парижа названное событие послужило наглядным доказательством факта, что безопасность и процветание государства начинают все больше зависеть от происходящего в других регионах, от процессов, которые невозможно контролировать напрямую. Отсюда – необходимость лучше понимать происходящее за рубежом, выстраивать сценарии, объективно оценивать сильные и слабые стороны своей политики. Для решения этих задач в 1974 г. по поручению министра иностранных дел М. Жобера учрежден Центр анализа и прогнозирования (*CAP*), который

возглавил экономист-международник, выпускник Политехнической школы и Университета Беркли Т. де Монбриаль. Организация не стала мозговым центром в полном смысле слова, потому что не пользовалась даже формальной независимостью (вошла в структуру МИД в роли своего рода «департамента внешнеполитического планирования»).

В том же году президентом стал В. Жискар-д'Эстен, либерал, сторонник большего сближения Франции с западными партнерами, что имело свой эффект и для науки. Французские ученые стали активнее налаживать рабочие связи с иностранными коллегами, появились площадки для взаимных кадровых обменов элит, в том числе академических (прежде всего, Франко-американский фонд, 1976 г.). Чиновничество и деловые круги знакомились с перспективными управленческими практиками, принятыми в США, пробовали внедрить их в своей стране.

Президент, работавший при предшественниках (Ш. де Голле и Ж. Помпиду) министром финансов, стремился рационализировать процесс принятия решений по политической вертикали, распространить применение точных данных, графиков и таблиц, ссылок на профессиональные мнения [3]. В итоге сформировались предпосылки появления во Франции полноценного мозгового центра, работающего по американскому образцу, т. е. не зависящего напрямую от какого-либо ведомства или университета и функционирующего на стыке политики, дипломатии, бизнеса и науки. Им стал *IFRI*, открытый в 1979 г. Пост руководителя занял (и до сих пор сохраняет) Т. де Монбриаль, оставивший работу в министерском центре *CAP* немногим ранее.

Институт создавался с одобрения высшего руководства республики, однако скоро начал пользоваться определенной независимостью от государства, прежде всего, за счет диверсификации источников финансирования. Так, при открытии *IFRI* отчисления из бюджета и государственные контракты составляли 50 % его доходов, к 2019 г. этот показатель снизился до 19 % [15]. Большая часть поступающих средств на данный момент другого происхождения – от частного бизнеса (*Air France, Total, L'Oréal, BNP Paribas* и др.), посольств иностранных государств, взносов и пожертвований. Доля каждого спонсора по плану должна составлять не бо-

лее 5...6 %. Тем не менее, ежегодный бюджет *IFRI* никогда не сравнивался с возможностями американских «фабрик мысли». Так, в 2018 г. французский центр располагал доходами в 6,7 млн евро, тогда как, например, Институт Брукингса – 87 млн долл. [15]. Более половины средств *IFRI* (3,7 млн) отводилось на заработную плату сотрудникам [16].

Кадровый состав института, сообразно финансам, невелик – порядка 70 человек, включая руководство и постоянных экспертов, административный персонал, ассоциированных (приглашенных) исследователей и советников. Их работа структурируется по научным группам и программам, посвященным определенной тематике или региону. Среди действующих подструктур можно назвать:

- центры «Субсахарская Африка», «Энергия и климат», «Россия / Новые независимые государства», «Миграции и гражданство», «Азия», «Исследования безопасности»;
- программы «Северная Америка», «Европейская стратегическая автономия», «Космос», «Современная Турция и Ближний Восток»;
- Лабораторию оборонных исследований;
- Исследовательский комитет по франко-германским отношениям [9].

Последнее учреждение занимает особое место, поскольку специализируется на ключевом направлении внешней политики Франции после Второй мировой войны, находится в двойном управлении с немецкой стороной, действует дольше *IFRI* (учреждено в 1954 г. по межправительственному соглашению Франции и ФРГ) [8].

В центре системы руководства институтом находится Т. де Монбриаль, на котором замыкаются все управляемые органы – административный совет, стратегический совет, директорат [9]. Первый предназначен для обсуждения общего курса развития с представителями бизнеса и бывшими госслужащими; во втором с помощью приглашенных уточняются приоритетные направления исследований; в третьем организуется работа тематических центров. Фактически через президента института поддерживаются контакты с системой власти Франции, осуществляются внешние связи. Решение текущих вопросов выведено на уровень директора – с 2015 г. эту

должность занимает Т. Гомар, начинавший карьеру как специалист по франко-советским отношениям и внешней политике России.

Экспертная работа, выполняемая *IFRI*, подразделяется на три вида:

1. Публикационная активность. К ней относится выпуск монографий, аналитических записок, обзоров и докладов. Счет изданных за 40 лет материалов можно вести на тысячи, поскольку в цифровой форме их опубликовано более 800 (по состоянию на 2019 г.) [9]. Главный проект – ежегодник *RAMSES*, темой которого, как правило, становится тот или иной глобальный процесс или явление. Как указывает специалист по истории мозговых центров С. Янсен, первый выпуск в 1981 г. получил весьма высокую оценку академического сообщества, поскольку содержал анализ актуальных экономических тенденций с использованием количественных данных, что в то время во Франции представляло научную новизну [11]. С тех пор ежегодник активно популяризируется в прессе, распространяется в крупнейшие университеты, библиотеки и книжные магазины. Также выпускается журнал *Politique étrangère*, доставшийся «по наследству» от центра *CEPE*. Общие черты большинства публикаций – отсутствие идеологического окраса, внимание к деталям и многообразию факторов, нацеленность на формулирование рекомендаций и сценариев.

2. Выступления в СМИ. По подсчетам самого *IFRI*, ежегодно его эксперты в сумме дают порядка 150 интервью, приблизительно 300 раз участвуют в радио- и телепередачах, а их письменные материалы имеют 4000 журналистских цитирований [9]. Около 50 % упоминаний происходит в иностранной прессе – американской, европейской, китайской. Взаимодействие с медиа, активность в социальных сетях позволяют экспертам доносить свои мнения до широкой аудитории, знакомить с результатами исследований.

3. Организация мероприятий: конференций, дебатов, бесед с экспертами, дипломатами и политическими деятелями. Этому виду активности в последнее время уделяется повышенное внимание, поскольку он в наибольшей степени позволяет институту выполнять миссию как дискуссионной площадке. Посредством мероприятий проводится в жизнь так называемая «дипломатия влияния» (*diplomatie d'influence*), предполагающая установление «мягких», неформаль-

ных связей с представителями других стран в дополнение к контактам на официальном уровне. Не единожды данный мозговой центр принимал первых лиц государств мира; среди последних гостей президент Турции Р. Т. Эрдоган (октябрь 2014 г.), президент Ирана Х. Роухани (январь 2016 г.), президент Грузии С. Зурабишвили (февраль 2019 г.). Из российских лидеров с *IFRI* встречались В. В. Путин (2000 г., в ходе первого визита во Францию) и Д. А. Медведев (2008 г., в рамках ежегодной конференции по мировой политике, учрежденной Т. де Монбриалем) [9].

Институт подчеркивает, что некоторые исследования и мероприятия могут проводиться в закрытом формате, так как предназначены для специальной целевой аудитории или заказчика. В этой связи со всей точностью оценить, как именно *IFRI* участвовал в принятии какого-либо конкретного решения во внешней политике Франции, представляется затруднительным. Тем не менее, ряд недавних случаев подтверждает, что институт имеет если не прямое, то весьма существенное «атмосферное» влияние, т. е. формирует интеллектуальную среду, задает общее направление мысли, на которое может ориентироваться и руководство страны.

Так, накануне очередных президентских (2017) и европейских (2019) выборов *IFRI* публиковал доклады «Дипломатическая повестка нового президента» [12] и «Европейские выборы-2019: структурируя дебаты» [10]. Оба документа играли роль сборников задач, которые, с точки зрения экспертов, предстояло решить в следующие пять лет новому президенту Франции и руководству Европейского союза. Кроме того, директор института Т. Гомар участвовал в подготовке последнего базового документа внешней и военной политики Пятой Республики – «Стратегического обзора по обороне и национальной безопасности» (2017) – в качестве члена редакционного комитета [17]. Специалисты *IFRI* задействовались в подготовке крупнейших мероприятий французской дипломатии при президенте Э. Макроне – Парижского форума мира (2018–2019), саммита «Группы семи» в Биаррице (2019); регулярно приглашаются на заседания комиссий по международным делам сената и Национального собрания.

Заключение. Пример *IFRI* показывает, что практика создания мозговых центров, из-

начально идущая из США и Великобритании, свойственна и другим странам. В Пятой республике именно *IFRI* стал первой «фабрикой мысли» в типичном, «американском» значении и послужил образцом, за которым последовали более молодые французские центры (Институт международных и стратегических исследований – 1991 г., Институт Монтея – 2000 г. и др.).

Не имея весомых финансовых и кадровых возможностей, *IFRI* не только продолжает удерживать статус наиболее авторитетной аналитической организации Франции в сфере международных отношений, но и котиру-

ется за рубежом, что подтверждается постоянно высоким местом в Пенсильванском рейтинге. При этом центр пользуется финансовой и интеллектуальной независимостью от государства или отдельных бизнес-компаний, выполняя функцию равнодаленной площадки для дискуссий и «мягкого» влияния. Это не исключает возможности опосредованного участия в официальной дипломатии посредством предоставления экспертов мнений и присоединения к многосторонним международным инициативам действующего руководства страны.

Список литературы

1. Арзаканян М. Ц. Великий де Голль. «Франция – это я!». М.: Яуза: Эксмо, 2012. 512 с.
2. Бубнова Н. И. «Мозговые центры» как актор современной политики // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 3. С. 8–19.
3. Жискар-д’Эстен В. Власть и жизнь. М.: Международные отношения, 1990. 318 с.
4. Журбей Е. В. «Институт Брукингса»: история успеха старейшего «мозгового центра» США // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2. С. 156–168.
5. Ивкина Н. В. История становления и развития немецких и крупнейших американских аналитических центров (сравнительный анализ) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 102–113.
6. Истомин И. А. Внешнеполитическая экспертиза в США // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 1. С. 111–127.
7. Abelson D. E. Do Think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes. Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2018. 560 p.
8. Allemagne (Cerfa). URL: <https://www.ifri.org/fr/recherche/zones-geographiques/allemagne-cerfa> (дата обращения: 27.12.2019). Текст: электронный.
9. Brochure institutionnelle. URL: <https://www.ifri.org/fr/brochure-institutionnelle> (дата обращения: 12.12.2019). Текст: электронный.
10. European elections 2019: structuring the debate / eds. T. Gomart, M. Hecker. Paris: Etudes de l’Ifri, 2019. 74 p.
11. Jansen S. Les boîtes à idées de Marianne. Paris: Le Cerf, 2017. 768 p.
12. L’agenda diplomatique du nouveau président / eds. T. Gomart, M. Hecker. Paris: Etudes de l’Ifri, 2017. 69 p.
13. McGann J. 2019 Global go to think tank index report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2020. 265 p.
14. McGann J. The fifth estate: think tanks, public policy, and governance. Washington D. C.: Brookings Institution Press, 2016. 240 p.
15. Ponson G. L’Ifri collecte ses fonds en conciliant public et privé. URL: <https://www.ifri.org/fr/espace-media/ifri-medias/ifri-collecte-fonds-conciliant-public-prive> (дата обращения: 27.12.2019). Текст: электронный.
16. Rapport annuel 2018 / ed. N. Crance. Paris: IFRI, 2019. 75 p.
17. Revue stratégique de défense et de sécurité nationale. Paris: DICoD, 2017. 109 p.

References

1. Arzakanyan M. Ts. *Velikii de Goll'*. “Frantsiya – eto ya!” (De Gaulle the great. “France is me!”). Moscow: Yauza: Eksmo, 2012. 512 p.
2. Bubnova N. I. *Sravnitelnaya politika* (Comparative Politics), 2017, vol. 8, no. 3, pp. 8–19.
3. Zhiskar-d’Esten V. *Vlast i zhizn* (Power and Life). Moscow: International relations, 1990. 318 p.
4. Zhurbey E. V. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* (Ecumene. Regional Studies), 2017, no. 2, pp. 156–168.
5. Ivkina N. V. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* (Genesis: Historical Studies), 2018, no. 4, pp. 102–113.

6. Istomin I. A. *Sravnitel'naya politika* (Comparative Politics), 2015, vol. 6, no. 1, pp. 111–127.
7. Abelson D. E. *Do Think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes* (Do Think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes). Montreal: McGill-Queen's University Press, 2018. 560 p.
8. *Allemagne (Cerfa)* (Allemagne (Cerfa)). URL: <https://www.ifri.org/fr/recherche/zones-geographiques/allemagne-cerfa> (Date of access: 27.12.2019). Text: electronic.
9. *Brochure institutionnelle* (Brochure institutionnelle). URL: <https://www.ifri.org/fr/brochure-institutionnelle> (Date of access: 12.12.2019). Text: electronic.
10. *European elections 2019: structuring the debate* (European elections 2019: structuring the debate) / eds. T. Gomart, M. Hecker. Paris, Etudes de l'Ifri, 2019. 74 p.
11. Jansen S. *Les boîtes à idées de Marianne* (Les boîtes à idées de Marianne). Paris: Le Cerf, 2017. 768 p.
12. *L'agenda diplomatique du nouveau président* (L'agenda diplomatique du nouveau président) / eds. T. Gomart, M. Hecker. Paris: Etudes de l'Ifri, 2017. 69 p.
13. McGann J. *2019 Global go to think tank index report* (2019 Global go to think tank index report). Philadelphia: University of Pennsylvania, 2020. 265 p.
14. McGann J. *The fifth estate: think tanks, public policy, and governance* (The fifth estate: think tanks, public policy, and governance). Washington D. C.: Brookings Institution Press, 2016. 240 p.
15. Ponson G. *L'Ifri collecte ses fonds en conciliant public et privé* (L'Ifri collecte ses fonds en conciliant public et privé). URL: <https://www.ifri.org/fr/espace-media/ifri-medias/ifri-collecte-fonds-conciliant-public-prive> (Date of access: 27.12.2019). Text: electronic.
16. *Rapport annuel 2018* (Rapport annuel 2018) / ed. N. Crance. Paris: IFRI, 2019. 75 p.
17. *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale* (Revue stratégique de défense et de sécurité nationale). Paris: DICoD, 2017. 109 p.

Коротко об авторах

Чихачев Алексей Юрьевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.
Сфера научных интересов: внешняя политика Франции
alexchikhachev@gmail.com

Чагры Адил, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия. Область научных интересов: мировая политика, российско-турецкие отношения, «мозговые центры».
cagriadil@gmail.com

Briefly about the authors

Aleksey Chikhachev, postgraduate, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. Sphere of scientific interests: France's foreign policy

Adil Chagry, postgraduate, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. Sphere of scientific interests: world politics, Russian-Turkish relations, "think tanks"

Образец цитирования

Чихачев А. Ю., Чагры А. Участие «мозговых центров» в принятии внешнеполитических решений: опыт франции // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 97–105. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-2-97-105.

Chikhachev A., Chagry A. The role of "think tanks" in foreign policy decision-making: french experience // Transbaikal State University Journal, 2020, VOL. 26, NO. 2, PP. 97–105. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-2-97-105.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2020 г.
Статья принята к публикации: 20.02.2020 г.